

Педагогическая сказка¹

«Мир значительно богаче и разнообразнее, чем наши представления о нём»

Александр Степанович взглянул на часы и обомлел: было уже почти 5 утра! Через несколько часов у него урок, а он даже ещё и спать не ложился. Но ведь не каждый день попадаешь в подобные ситуации, согласитесь. Так что время в его случае потеряло всякий смысл.

Поэтому наш герой продолжал куда-то идти, размышляя о предстоящей нелёгкой задаче. Если дети нажмут в основном красные кнопки, то ему уже не спастись на третий день. Он посмотрел на ночное небо и вместо звёзд увидел множество неведомых фигур, которые вначале даже напугали его. Но потом Михайлюк вспомнил, что рассказывал ему Валерыч про нереализованные идеи обитателей Преобразователя, и даже решил воспользоваться некоторыми из них. В-частности, ему очень понравился самовар с двумя носиками и девушка-русалка с баяном.

На утро следующего дня Александр Степанович изготовил себе специальную шапку, которая отдалённо напоминала капитанскую фуражку, и не без дрожи в ногах направился в класс.

— Привет, юнги! Как настроение сегодня? Надеюсь, все успели умыться сегодня? А то я прихожу в бешенство, когда вижу немывтые грязные рожи перед собою!

В классе воцарилось молчание. Впрочем, очень скоро его нарушил мальчик-интеллигент с последней парты:

— Что-то я не понял: ты решил в клоуна поиграть, что ли?

**МУРАШЁВ ОЛЕГ
НИКОЛАЕВИЧ,**
*историк-лингвист, научный
сотрудник Лаборатории
«Образование для Новой Эры»*

¹ Продолжение. Начало в № 2.

— Что-то ты не вежлив, сегодня, мой главный помощник! Ты, видимо, ещё не позавтракал. Я даже отсюда слышу урчание в твоём пустом животе! На-ка, вот, держи! — с этими словами Александр Степанович кинул своему новому «помощнику» какой-то свёрток.

Весь класс заворожённо наблюдал за этой сценой. Было непонятно, но интересно! Кто-то хотел было выкрикнуть колкость в адрес «капитана», но он успел опередить всех и небрежно бросил фразу: «Ну что, команда, отправляемся в путешествие!?! Поднять паруса!»

«Помощник» развернул пойманный пакет и увидел небольшой таинственный сундучок, обклеенный цветной бумагой. Внутри лежала сложенная красивым треугольником записка, из которой следовало, что с этого момента владелец сундука объявляется главным помощником капитана и получает право на неограниченную власть на корабле. Но если кто-то заберёт у него этот сундучок или он (не дай Бог!) будет утерян, то капитан найдёт себе нового помощника.

Также на дне сундука лежала большая вкусная шоколадка, завернутая в блестящую фольгу. Помощник незамедлительно схватил её, развернул и, отламывая большие куски, начал жадно поедать. Вся команда импровизированного корабля с завистью смотрела на это, и потому никто даже не слышал с первого раза капитанский приказ: — Слушай мою команду!

Сегодня мы должны обсудить, что делать с провиантом. У нас в трюме осталось еды всего на 5 дней и пресной воды на 15 дней. А с нашей скоростью передвижения до ближайшего острова, где можно было бы пополнить запасы, почти 20 дней плавания. Какие у кого есть предложения?

Класс притих. Все, казалось, недоумевали и не очень-то понимали, как реагировать. Мальчик с гаджетами на первой парте задумчиво посмотрел в окно и вдруг сказал:

— Нужно уточнить наши координаты. А потом я выясню: возможно, есть более близкие острова, только мы об этом не знаем.

— Молодец, юнга! Объявляю тебя штурманом! Будешь вести все расчёты на своих волшебных вычислительных инструментах. А если что-то непонятно — сразу обращайся к моему главному помощнику.

С этими словами Александр Степанович взмахнул рукой в сторону доедавшего шоколадку мальчика. Тот важно поднялся из-за парты и, выйдя из-за неё, решительно направился к доске:

— Так, с сегодняшнего дня все слушаются меня беспрекословно. Понятно? Если кто-то начинает баловаться и не подчиняться капитану — я сам буду разбираться.

Близняшки открыли рот от удивления и хотели было задать вопрос, но «капитан» повторил вопрос о том, что же делать, ведь провизии оставалось на 5 дней меньше, чем планировалось путешествие. Со всех

сторон посыпались предложения. Некоторые из них были весьма оригинальными, например: урезать количество пищи на каждого члена экипажа. Тут же весь класс совместно произвёл расчёты и выяснилось, что это вполне подходит. В этом случае на каждого оставалось примерно 0,5 литра воды и 0,3 кг еды в сутки. Один толстый мальчик запротестовал было, поскольку ему эта норма показалась недостаточной. Но остальные предложили ему назвать другое решение.

«Ваня в кубе» (так его кто-то метко окрестил за излишнюю полноту) немного подумал и сказал: «Можно увеличить скорость и приплыть в конечный пункт быстрее».

— Это как же ты её увеличишь? — удивился Михайлюк.

— А можно на вёсла сесть и помочь нашему паруснику, — ответил Ваня.

— Ну вот и рассчитай, на сколько быстрее мы сможем прийти, если скорость увеличится на 5 км в час. Только не забудь учесть, что для этого нужно постоянно грести хотя бы десяти членам экипажа.

— Не-е-е, — протянул Ваня в кубе, — один я это не смогу посчитать.

— Хорошо. Давайте все вместе попробуем.

...Незаметно ребята увлеклись решением странной, нереальной задачи, позабыв, что находятся в обычном классе. Они искали пути выживания, совсем не видя того, что втянуты в решение математической

задачи с очень сложным условием. Однако довольно скоро некоторые из них начали понимать, что это просто хитрый трюк. Постепенно интерес к решению задачи исчез.

— Что же делать? — начал мучительно соображать Александр. И тут он вдруг вспомнил про своего двойника и колокольчик, лежавший на столе. Михайлюк схватил его и быстро позвонил. Тут же под учительским столом сверкнула хитрая рожица Михайлюка-2. «Быстро наклонись», — скомандовал он.

Михайлюк подчинился, неуловимым движением двойник засунул его вместо себя под стол, а сам вылез и появился перед ребятами:

— Ну что, юнги, может быть, передохнём?

Это его предложение было встречено одобрительным гулом.

— Могу рассказать вам интересную историю, — начал Михайлюк-2. — Хотите?

— А страшилки будут?

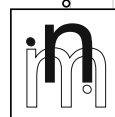
— Конечно! И рассказ про Майн Крафт тоже будет!

— Ух ты! Ну, давай, конечно!

Двойник начал весёлый рассказ, удерживая внимание всего класса, заставляя его то смеяться, то переживать, то даже негодовать.

...Вдруг дверь кабинета отворилась, и в неё заглянул Мочалкин. «Отклоняемся от темы!» — погрозил он пальцем.

Но поскольку он не знал, что имеет дело с двойником Михайлюка, то был крайне удивлён, когда вдруг

учитель решительно вытолкнул завуча в коридор и громко произнёс:

— Ты кто такой? Сам-то урок никогда в жизни не сможешь дать! Всего один день тебе остался, когда лопнешь, как мыльный пузырь, и ничего от тебя не останется. Так что молчи, неудачник, и не мешай мне работать. Понял? Иди, вон, поешь или чаю выпей.

Ошарашенный Мочалкин остался стоять в коридоре с открытым ртом, тогда как двойник Михайлюка уверенным шагом вернулся в класс и громко захлопнул дверь. Дети испуганно смотрели на своего капитана и ждали плохих новостей. Но тот лишь улыбнулся, наклонился под стол и, прошептав: «Меняемся», — вытолкнул настоящего Михайлюка в класс.

— Кто это был? — спросил помощник.

— Это страшный злодей, который хотел захватить наш корабль и помешать нашему путешествию. Но я справился с ним! Так что не бойтесь никого!

Но оставим на время нашего героя с его подопечными. Давайте вернёмся к завучу Мочалкину, до которого, кажется, только сейчас дошла вся горькая правда о его нынешнем плачевном положении. Он должен был решительно всё поменять, а в противном случае — лопнет! И потом уже всё: забвение и отсутствие будущего. Эти горестные мысли так навалились на Мочалкина, что он вынужден был сесть на пол и отдышаться. Он вспомнил, как

безрассудно вёл себя, когда к нему пришёл его наставник и предложил помощь. Завуч выгнал его и велел больше никогда не возвращаться! Так Мочалкин остался один в этом странном мире, не особенно-то задумываясь до настоящего момента о реалиях.

Вдруг его осенило: «Нужно спросить хорошенько обо всём Михайлюка! Он ведь, кажется, смог тут всё понять и вписаться в местную жизнь». Но поскольку урок ещё не закончился, завуч вынужден был оставаться в коридоре. Вокруг то и дело звучал колокол, и лопались мыльные пузыри, что ещё больше усиливало ужас в его душе. Время тянулось медленно, поэтому Мочалкин решил заглянуть в соседний класс, где шёл урок физики.

Он незаметно пробрался в кабинет и уселся на последнюю парту. Дети не удивились его появлению, хотя один из учеников злобно прошептал: «Чего тут шляешься? Иди делом занимайся». Но Мочалкин был настроен решительно, его интересовало всё, что могло помочь ему выжить.

Физик рассказывал невероятные вещи! Про то, что электроны — это кометы с длинным хвостом, который они пытаются укусить. Что-то очень похожее на собаку, которая крутится на одном месте, пытаясь достать до собственного хвоста. Затем все учащиеся начали сочинять какую-то безумную историю про электрический мир, которая совсем не совпадала с материалом школьного

учебника. Мочалкин хорошо помнил классическую теорию электричества, так как по образованию был физиком.

Он не выдержал и выскочил из своего укромного местечка.

— Позвольте! Что это Вы за ахи-нею несёте? — накинулся он на преподавателя.

— Мы создаём новую теорию электричества, — с важным видом парировал физик.

— Какую теорию? Всё уже давно создано. Так что давайте ближе к теме, не отвлекайтесь!

— То есть Вы считаете, что создание новой теории невозможно?

— А для чего же это делать, если она уже создана? — ответил вопросом на вопрос завуч.

— Ну, а если в ней есть неясности, белые пятна? Мои ученики задают вопросы, а я не могу ответить на них. Как быть тогда?

— Ученики очень часто задают глупые вопросы. Просто не обращайтесь внимания на них, вот и всё!

— То есть Вы хотите сказать, что учитель всё знает, и ему поэтому не нужно развиваться? И что та теория, которую он передаёт ученикам, — единственно верный вариант? что больше не существует никаких других воззрений на изучаемый предмет?

— Ну, возможно, они и существуют, — начал было Мочалкин.

— ...однако школьный вариант лучше всего. Так?

— Может быть, он и не лучший, но... — сделал многозначительную

паузу завуч, подняв указательный палец вверх.

Физик грустно посмотрел на своего оппонента и, ничего не сказав, повернулся к ученикам.

— Вот, посмотрите, дети, на деградирующую личность, которая пытается убедить меня и других в том, что существует единственный вариант развития, только один путь решения, только одна «верная» теория. Самое обидное, что эта личность уже завтра исчезнет, испарится за ненужностью. Но он и подобные ему заставляют меня просто пересказывать материал учебника, строго следуя некоей программе.

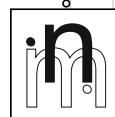
— Что значит «некоей»? — возмущённо вскрикнул Мочалкин.

— А то и значит, что неизвестно кто её написал и неизвестно для кого. Я не собираюсь превращаться в «пересказывателя учебника»!

— Ну так ведь можно и до анархии в школе докатиться! — завуч картинно схватился за сердце.

— Не знаю, куда там можно «докатиться», только вот моим ученикам со мною интересно, они увлечены и готовы и дальше приходить в школу. Чтобы учиться, развиваться, становиться креативными и смелыми. А Вы когда сами-то урок давали в школе? Или всё больше по заседаниям да методсобораниям? Не разучились ли ещё поддерживать интерес у детей? Справитесь ли с классом?

— Вот ещё! — фыркнул Мочалкин. — Да я за свою жизнь столько

уроков провёл, что тебе и не снилось. Так, дети, быстро открыли тетради и записали тему урока, — внезапно повернулся он к учащимся.

Однако реакция класса была неоднозначной. Кто-то, конечно, вытащил из портфеля тетрадь и ручку, но многие ребята продолжали сидеть неподвижно.

Завуч начал диктовать правила и формулы, размахивая руками и записывая на доске какие-то важные вещи. Но через некоторое время его отвлекли шум, разговоры и другие «неучебные» звуки.

— Ну-ка успокойтесь! Тихо! — грозно прикрикнул он и продолжил излагать тему.

Однако его окрик совсем не подействовал. Шум продолжился. Более того — он усилился! Мочалкин набросился вначале на физика:

— Вот видите, к чему приводят ваши эксперименты! Вы даже дисциплину не можете в классе удержать!

После этих слов он повернулся к ребятам, приготовившись выпустить на них весь заряд своей агрессии. Однако если вы думаете, что он собрался кричать, — то совсем нет! Существует большое количество так называемых «сильных» преподавателей, у которых на уроке идеальная тишина. Они не кричат, но стоит им только выразительно взглянуть на кого-то, и этот несчастный готов замолчать навсегда. Это настоящие психологи, которые точно знают, как манипулировать учениками, развивая в них чувство страха. Но зато какая дисциплина! Все сидят, слушают,

записывают... Ну просто чудо какой хороший урок! Кстати, по какой-то причине большинство родителей считают таких учителей наилучшими для своих детей.

Мочалкин относился именно к этому типу преподавателей, так что ему не составляло труда утихомирить любую аудиторию. Но только не в Преобразователе!

— Что же вы думаете, дорогие дети, об этом сегодняшнем уроке? Вы очень много интересных идей высказали, конечно, но вы же понимаете, что всё это просто ваши фантазии? — вкрадчиво начал завуч.

— Слышь-ка, ты, Мочалкин или как там тебя — Ворчалкин, — вдруг очень грубо перебил его мальчик с весёлым лицом, — ты зачем пришёл к нам? Учить будешь, вместо физика нашего? Или будешь палки в колёса вставлять?

Лицо завуча побагровело, а сам он начал надуваться и громко дышать.

— Смотри, не лопни раньше времени! — крикнул кто-то, и весь класс разразился громким смехом.

— Да что вы себе тут позволяете? — заорал Мочалкин. — Я сейчас же сообщу в районо о безобразиях, которые тут происходят! Вы у меня пошутите, хамы, негодяи, злодеи!

Вдруг до него дошло, что он находится в Преобразователе. Завуч сник, обречённо взмахнул рукой и сел обратно за парту.

— Вот так-то лучше. — заметил физик. — Давай-ка лучше Расскажи нам что-нибудь интересное из физи-

ки. Ну, или придумай. Кстати, дети, вы можете задать вопросы нашему гостю, ведь он по образованию физик.

— Я не буду отвечать на глупые вопросы!

— Никакой из детских вопросов не является «глупым». Другое дело, что мы не всегда можем найти ответ на него. Но это вовсе не означает, что имеем дело с проявлением глупости. Скорее — это мы проявляем свою неспособность и некомпетентность!

... Скромная девочка со среднего ряда подняла руку и задала вопрос: «А что такое "вакуум"»?

Мочалкин без энтузиазма пересказал общеизвестные истины и посмотрел на детей. Те сидели и внимательно слушали, но им было НЕИНТЕРЕСНО!

Девочка решительно перебила завуча и сказала с серьёзным видом:

— А я не согласна! Вот Вы говорите, что в «вакууме ничего нет», но что означает «ничего»? Я предлагаю организовать научную экспедицию в вакуум и разобраться с этим вопросом.

— Я только что получил секретные данные от своего шпиона Мурзика, которого запустил в Вакуум пять минут назад, — вдруг сообщил Физик.

Класс притих.

— Оказывается, вакуум — это кристалл! То есть он имеет кристаллическую решётку

— Ой, — вскрикнула девочка, — а они красивые, эти кристаллы?

— Да, они светятся красным светом, как рубины! — выкрикнул кто-то.

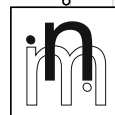
— Вот бы мне колечко с таким необычным кристаллом — рубином, — вздохнула девочка.

— А давайте откроем такую ювелирную фабрику и будем производить новые необычные украшения из вакуумов — рубинов, — предложил мальчик в больших очках.

Все поддержали эту идею и затем довольно долго обсуждали эскизы возможных изделий.

Мочалкин тупо сидел в конце класса и даже не сопротивлялся уже, хотя мозг его просто «кипел». Он совсем не удивился, когда Физик предложил ему вступить в проектную группу по созданию нового типа двигателя, работающего на энергии вакуума. Ведь в самом деле, если расщепить кристаллы вакуума, то высвободится огромное количество энергии! Тогда не нужно будет заботиться о том, как перелетать на большие расстояния, поскольку энергия будет браться непосредственно из космического вакуума. И тогда будет решена проблема постройки гигантских ракет, которые используют традиционные источники энергии и потому вынуждены иметь огромные размеры для хранения топлива.

Завуч даже увлёкся этой «бредовой» идеей и начал делать некоторые расчёты. Согласно его вычислениям, на одном кубическом

сантиметре вакуума можно было пролететь огромное расстояние! Несколько раз от Земли до Солнца и обратно.

Когда он рассказал об этом ребятам, те удовлетворённо переглянулись и тут же запустили космический корабль на новом двигателе, с помощью которого решено было добраться до самой дальней звезды в Галактике.

Пока ребята занимались своими космическими проектами, завуч тихо подошёл к Физiku и спросил:

— В чём же суть всего того, что здесь происходит?

— Вы не понимаете одну простую вещь, коллега. Если ты считаешь, что знаешь предмет абсолютно, — просто измени дислокацию и ещё раз взгляни на него. Можно подняться наверх или опуститься в Преисподнюю... Хотя достаточно всего лишь сделать шаг в сторону, и ты сможешь увидеть новые оттенки того, что не было заметно до сих пор. Но мы чаще всего не имеем времени или смелости сделать этот шаг в сторону. Дети — наши ученики — значительно смелее нас, они постоянно меняют точку, с которой обозревают один и тот же предмет.

— И Вы хотите сказать, что все их бредовые фантазии — это не сказки? — удивлённо воскликнул Михайлюк.

— Ну конечно нет! Это просто другой взгляд. Мы можем его принимать или не принимать, соглашаться или нет. Но он существует. Более того — из этих детских фантазий

может вырасти новая, удивительная реальность! Разве Вам не понравилась идея ракеты на вакуумном топливе? Но если «вбить» им в голову, что вакуум — это пустота, тогда прогресс просто остановится. Подумайте, что мы, преподаватели, делаем, когда пытаемся убедить своих учеников в правильности только одного единственного подхода, одного взгляда, одной системы...

Увлёкшись беседой, учителя не заметили, как прозвенел звонок. Дети некоторое время молча сидели, затем вдруг кто-то из них строгим голосом произнёс: «Голосование начинается! Сегодня голосуем за двоих: Физика и Мочалкина». Завуч от неожиданности потерял дар речи: он не думал, что попадёт в подобную ситуацию и что его будут оценивать сегодня.

Ученики опустили руки под парты и сделали свой выбор. «Интересно, — подумал Моалкин, — кто-нибудь проголосует за меня или нет?» Если бы он видел, как прошло голосование, то узнал бы, что почти половина класса была за него сегодня. Что-то дети увидели такое, что заставило их, не сговариваясь, дать завучу шанс вернуться обратно и стать Человеком!

Александр Степанович шёл по улице и вспоминал детали сегодняшнего дня. То, что урок получился более интересным, — несомненно. Он смог увлечь весь класс, придумал интересные задачи и даже закодировал почти всех ребят, присвоив им новые имена. Однако что-то его

явно беспокоило, какая-то глубокая мысль не давала ему покоя. Хотя точно выразить он её не мог.

Вдруг к нему подбежала фигура в тёмном плаще, схватила за руку и потащила в подворотню. «Опять, что ли, мой двойник?» — уже без особого удивления подумал Михайлюк. Однако когда незнакомец снял капюшон, то стало понятно, что это другой персонаж, очень хорошо уже всем нам известный.

— Слушай, Михайлюк, ты тут уже вроде как освоился. Помоги разобраться и мне! В долгу не останусь!

— Ты чего это так разволновался, Мочалкин? Тебе-то уже какая разница, всё равно завтра лопнешь и исчезнешь!

— А вот и неизвестно ещё! — горячо вскрикнул завуч. — Возможно, у меня всё ещё получится.

... — Чего шумим, ребята? — как обычно бесшумно и неизвестно откуда появился Валерич.

— Да вот, мой бывший завуч пытается зацепиться и преобразоваться. Может быть, поможешь ему?

— Ну а почему же не помочь? Давайте-ка все вместе сходим на базар, людей послушаем и заодно чего-нибудь съестного купим.

Через некоторое время вся компания дружно вышагивала по местному рынку. Продавцы выглядели довольно странно: большие железные ящики, которые громким голосом произносили очень интересные фразы. Если ты принимал их советы, то должен был нажать на кнопку с надписью «Принимаю и готов при-

менить». В этот же самый момент из ящика вываливался большой пакет с едой.

Троица остановилась у одного из говорящих ящиков и начала ознакомление с «ассортиментом». Ящик несколько минут подумал, а затем начал вещать:

— Самая большая беда преподавателя в том, что он пытается уложить весь предмет в некие правила. Но хитрость в том, что не существует никаких правил! Точнее сказать: существуют только твои правила, а не те, которые установил кто-то! Ты можешь согласиться с чьими-то правилами, принять их. Тогда они автоматически станут и твоими тоже. Но если ты не соглашаешься, то тебе придётся создать новые — твои — правила.

Железная машина остановилась, лампочки на ней тревожно заморгали, и послышался свистящий нарастающий звук.

— Чего это он? — любопытствовал Мочалкин.

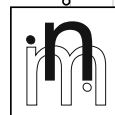
— Ответа нашего ждёт. Если согласимся, то он даст нам пакет с едой.

— А если нет?

— Ну, тогда не даст!

Михайлюк уже готов был нажать на клавишу «Принимаю и готов применить», как вдруг Мочалкин остановил его.

— Я не согласен! Какие это ещё свои правила придумывать? Этак каждый начнёт придумывать и око-лесицу нести всякую! Есть учеб-

ник — вот и будь добр по нему обучай.

— Ну а если тебе эти правила не нравятся? Что же тогда делать? — любопытствовал Валерыч.

— Нравятся — не нравятся... Мало ли что кому нравится или нет! Учебники тоже не дураки писали! — упорствовал завуч.

В этот момент нарастающий гул из железного ящика достиг невозможной громкости, затем вдруг стих, и ящик перестал подавать признаки жизни.

— Ну вот, — грустно вздохнул Валерыч, — мы лишились вкуснейшего яблочного пирога. Давайте попробуем пообщаться с другим «продавцом», может быть, нам больше повезёт на этот раз.

Но следующий железный говорящий ящик начал вещать такое, что Мочалкин незамедлительно попросил выключить его:

— Чтобы создать свои правила, нужно использовать принцип преувеличения. Это главный приём для того, чтобы избежать исключений. Если правило предполагает существование исключения, то это не правило в подлинном смысле слова.

Ошарашенный и возмущённый Мочалкин замахал руками.

— Этот бред невозможно больше слушать! Каждое правило предполагает исключение! Даже пословица есть такая.

— Но разве правило не должно быть общим для всех случаев? —

неожиданно для всех произнёс железный «продавец».

— Гляди-ка ты, — оно ещё и разговаривать умеет! — неуважительно воскликнул Мочалкин, чем ещё больше раззадорил собеседника.

— Да будет тебе известно, о непочтительный, что смысл слова «правило» заключается в следующем: это нечто, благодаря чему можно исправить, подправить ЛЮБОЕ искажение. Это своего рода источник с безупречно чистой, идеально чистой водой. Невозможно всё время находиться возле источника; людей становится всё больше, поэтому просто не хватает места. Мы селимся всё дальше и дальше от источника. И вот однажды наступает момент, когда нам крайне важно посетить эту святыню, чтобы освежить память и убрать искажения. И что же произойдёт, если мы вдруг по прибытии обнаружим, что источник хотя бы частично замутнён?

На что же в таком случае равняться? Как выПРАВить, испРАВить искажения, вызванные всё большим удалением от источника? Любое исключение — это предмет для отдельного рассмотрения. Если просто назвать (перечислить) исключения и не разобраться, как они появились, мы рискуем попасть в грязную воду. Скажи мне, Мочалкин, ты готов объяснить происхождение всех исключений из правил?

— Да легко! — завуч явно «завёлся», ему хотелось утереть нос этой железяке.

— Если это так, то рассматривай эти исключительные случаи как что-то самостоятельное, не имеющее ничего общего с правилом. Просто выведи их за рамки правила!

— Уж больно загадочно ты говоришь, — пробурчал завуч.

— Хорошо, вот тебе пример. В английском есть много существительных, перед которыми нельзя использовать артикль the. Это и названия городов, и названия многих стран, гор, и так далее. А есть случаи, когда, наоборот — нужно использовать этот артикль в совершенно непонятных ситуациях. Запомнить все эти исключения очень непросто, поверь мне! К тому же обычно преподаватель даёт их учащимся большим списком и требует вызубрить к определённой дате.

Но ведь можно поступить следующим образом: найти область применения артикля the, в которой правило действует на 100%. А про каждый случай отклонения от правила поговорить отдельно! И найти ему своё объяснение или... придумать его в крайнем случае!

Всем, даже тебе, Мочалкин (железный робот громко вздохнул в этом месте), будет интересно узнать, почему перед словами «музей», «стадион», «театр», «пожарка», «больница» и некоторыми другими нужно использовать артикль the в английском. Или, может быть, у тебя есть своя версия?

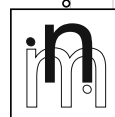
Завуч нахмурил брови и ничего не ответил.

— Так вот, — продолжал робот, — обычно артикль the используется в том случае, если собеседник понимает, о каком именно предмете из огромного количества подобных говорит другой человек. Как ты догадываешься, если поставить the перед словами «кошка» или «стол», то прежде нужно как-то определить, что это за кошка или стол, потому что их тысячи тысяч вокруг! А вот, например, музеев, театров, стадионов в давние времена даже в больших городах было немного. Точнее — был один музей, один театр, и так далее. Поэтому когда люди в те времена встречались и один спрашивал другого: «Куда идёшь?», то в случае ответа «Иду в театр» его собеседник понимал, в какой именно театр он идёт. И неудивительно: театр-то ведь был один! Вот с тех времён и пошла привычка использовать артикль the перед подобными словами, обозначающими некие общественные места.

Это я сейчас очень коротко рассказал, а можно несколько уроков посвятить каждому случаю так называемых исключений. Дать детям задание написать сочинения, рефераты, сделать сайты, покопаться в Интернете. И тогда они навсегда запомнят все эти случаи и не будут воспринимать их как исключения из правил.

Железный ящик загудел и вновь обратился к троице:

— Вы поняли, как использовать принцип преувеличения, или ещё примеры привести?

— Давай ещё! — никак не мог успокоиться Мочалкин.

«Продавец» вздохнул и продолжил свой рассказ.

— Ну ладно, теперь из русского языка. Вы, может быть, помните правила написания удвоенного-н-в прилагательных?

— СтеклАнный, оловянный, деревянный, — незамедлительно выпалил Михайлюк. — Это всё, что я помню.

— Вот видишь, ты запомнил слова, которые являются исключениями. Само правило почти никто и не помнит, потому что оно очень «мутное». Слишком много исключений, примечаний, отклонений и т.д. Поэтому придётся создать «своё» правило. Это очень просто: достаточно представить себе человека по фамилии Анянин. Как вы понимаете, здесь соединены три суффикса, в которых всегда будет одна буква-н-в прилагательных: кожАнный, глиняный, гуСИный...

Мочалкин, который до этого молча слушал «продавца», вдруг перебил его и с важным видом заметил, что в слове «нежданнЫй» происходит удвоение буквы «н».

— Вот не дослушаете меня, перебиваете, а потом начинаете вопросы задавать. Хотя я не против... Так вот: чтобы создать своё правило, частенько приходится по-новому смотреть на устоявшиеся положения. Ответьте мне на простой вопрос: что такое прилагательное?

— Это свойства предмета, — Александр Степанович опять блеснул знанием русского.

— Верно. Это часть речи, которая называет свойства предмета. Тогда ответьте ещё на вопрос: а почему эта часть речи так называется — «прилагательное»?

— Никогда на задумывался в таком ключе, но, наверное, эти свойства «прилагаются» к предмету? Как будто покупаешь набор, а к нему прилагается то-то и то-то, — высказал предположение Мочалкин.

Прибор одобрительно заурчал и даже не поинтересовался, кто же выдвинул эту версию.

— Да, именно так и нужно понимать прилагательное! Это те свойства, которые прилагаются к предмету самим производителем. Конечно, в процессе использования эти свойства могут меняться: был чистый — стал грязный, был белый — стал серый, был свежий — стал чёрствый, и так далее. Но именно по тем свойствам, которые заложены в предмет производителем, мы можем определить предмет. Можем сейчас поиграть в игру: я называю прилагательные, а вы определите, о каком предмете идёт речь.

Даже многоопытный Валерыч оживился и заулыбался. Наверное, вспомнил свои уроки, которые сплошь состояли из игр и конкурсов.

— Итак, слушайте внимательно, второй раз повторять не буду, — важно произнёс «продавец». — Белый, пушистый, большой, злой, серый...

— Олень! — вдруг выкрикнул Мочалкин.

Все засмеялись, даже «железяка» издала булькающий звук, отдалённо напоминающий смех.

— Ну конечно, это — медведь. Каждое новое качество помогало понять нам это. «Белый» — слишком мало информации, потому что предметов белого цвета много. Может быть, снег или лист бумаги или ещё что-то. Но вот следующее слово «пушистый» в сочетании с «белым» сужает круг; мы сразу представляем что-то меховое.

— А может быть снег, — не удержался Мочалкин.

— Да, возможно и снег. Но следующие качества — «большой», а потом ещё и «злой» дают понимание, что речь идёт не о снеге, а о каком-то живом существе. Последнее слово — «северный» уже полностью позволяет понять, хотя некоторые (прибор покосился на завуча) торопятся с ответом. Можно предположить, что олень бывает злым, однако это его качество не является самым главным. В противном случае это было бы дикое хищное животное.

Ладно, продолжим игру. Красный, быстрый, гоночный...

— Автомобиль! — практически одновременно выкрикнули приятели.

— Ну вот, вы уже делаете успехи. Зелёный, тоненький, липкий, берёзовый...

— Лист, листок, — опять легко догадались учителя.

— Сладкий, шоколадный, большой, праздничный...

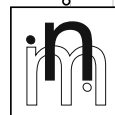
— Торт, пирог!

Затем железный ящик рассказал такие вещи, о которых никто из присутствующих даже и подумать не мог!

— Итак, прилагательное — это такое свойство предмета, которое «прилагается» к нему самим производителем. Если так его будем понимать, то тогда «товарищ Анянин» безошибочно, безо всяких исключений работает. Надеюсь, понятно теперь, что «принцип преувеличения» — это не просто безумная фантазия, а огромная творческая работа.

Чтобы уже закончить тему прилагательного, расскажу вам ещё кое-что. Очень часто в роли «производителя» выступает Природа, а не только человек. Каждому предмету прилагается много качеств, но если одно из них по какой-то причине вдруг становится главным, определяющим, то такое качество превращается в существительное.

Например, у человека много различных качеств. Но если он не видит (по любой причине), то тогда его можно смело называть «слепой». Мы говорим: «Общество слепых», «Места для слепых» и так далее. В этих примерах прилагательное «слепой» превращается в существительное! И теперь оно само уже может иметь качества: высокий слепой, умный слепой, самый смелый слепой...

А теперь вернёмся к твоему вопросу, Мочалкин. Про слово «нежданный». Скажи мне, пожалуйста, является ли оно прилагательным? Что это за качество такое, как его мог заложить производитель?

— То есть, — подхватил завуч, — ты хочешь сказать, что это не прилагательное? Но как же так: во всех учебниках это прилагательное, и оно рассматривается как исключение!

— А вот тебе и первый урок: не всё то, что в учебниках, — правило! Ты же сам видишь теперь, как всё искажено. Помнишь первый принцип маркетологов? (Мочалкин отрицательно мотнул головой.) Ложь, произнесённая многократно, превращается в правду!

— Ну ладно, маркетологам выгодно врать, им товар надо на рынке продать. А зачем составителям учебников врать-то? — поинтересовался озадаченный Михайлюк.

— Да потому, что вся сила и вся правда находится в СЛОВЕ! Стоит хоть немного поменять смысл, — и вся картина восприятия станет другой. Это понимать надо! — с важным видом произнёс говорящий ящик и глубокомысленно вздохнул. — Детей учат изучать правила написания прилагательных, не объясняя прежде, что есть такое «прилагательное» вообще. Да что там прилагательное: они даже в слове «существительное» не видят смысла. Хотя он на поверхности лежит: это то, что существует. И так с каждым словом происходит. Редко кто вообще в слова вдумывается, про-

сто произносит их автоматически, а ведь это и есть главная драгоценность!

— Послушай, умная железная машина, — вдруг заговорил Валерыч, — но ведь у предмета есть и другие свойства: сломанный, разбитый, пахнущий, думающий и так далее. А с ними-то как быть?

— Ещё раз напомню, что любой предмет обладает «своими» свойствами, заложенными производителем. Их изменения не добавляют ничего нового. Просто «приложенного» свойства становится меньше или оно вообще исчезает и на его место приходит другое, взамен прежнего. Был чистый — стал грязный. Или ещё грязнее.

Но в процессе использования у предмета появляются новые, дополнительные свойства. С точки зрения грамматики эти новые свойства очень похожи на «приложенные», так как тоже отвечают на вопрос «какой? какая? какие? какое?». Например, если предмет сломать, то он становится сломанным или разбитым. Если книгу прочитать, то она будет прочитанной, и так далее. А если предмет начнёт сиять, то он будет сияющим. Это совершенно новые свойства, которые не были заложены производителем.

— А кем же они тогда заложены? — поинтересовался Михайлюк, увлечённо слушая рассказ.

— Трудно сказать, кем именно. Всё зависит от конкретного случая. Например, если ты, Мочалкин, на-

пугаешь ученика, то он будет тобою напуганным.

— А чего это сразу я? — обиженно огрызнулся завуч. — Можно подумать, только я кричу на учеников и пугаю их.

— Да ладно, не обижайся, это я так, к слову. Мы ведь не о тебе говорим, а про свойства предмета ведём разговор. Тут ведь что главное понять: нежданный, негаданный, невиданный и другие подобные качества — это не прилагательные! Эти свойства не вкладываются в предмет производителем, они появляются в результате воздействия на предмет кем-то или чем-то.

Другими словами — это приобретённые свойства предмета, которые появляются в результате воздействия на него. То есть кто-то причастен к их появлению. Отсюда и термин такой в грамматике — причастие.

— А точнее — страдательное причастие, — почти выкрикнул Валерич, — потому что на предмет кто-то воздействует, и он поэтому страдает! Меня так мучил этот вопрос со школы ещё: почему же причастие страдательное? Если предмет порвали — он порванный, если включили — включённый, если купили — купленный... Теперь понятно!

— Какие догадливые пошли учителя! Обычно никто меня до конца не выслушивал из вашей братии. Обзывались, плевались и уходили прочь голодными. Но вы, насколько я понимаю, готовы нажать на заветную кнопку и получить вкуснейший

блинчик с творогом под клубничным джемом?

Воцарилась тишина. Все смотрели на завуча, который с равнодушным видом ковырял ботинком землю и смешно морщил лоб.

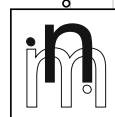
— Напоминаю, — продолжила машина, — вы получите еду только в том случае, если единогласно проголосуете за то, чтобы нажать на кнопку «Принимаю и готов применить». Мы довольно долго беседовали, поэтому позвольте ещё раз назвать главную мысль, которую вы принимаете или нет. Ну и, соответственно, — либо получите блинчики либо продолжите голодовку.

+ Правило не должно иметь никаких исключений.

+ Самый эффективный способ уйти от исключений — применить принцип преувеличения: смело заявить, что правило действует всегда

+ То, что не попадает под правило, следует внимательно пересмотреть. Все случаи отклонения от правила имеют свою историю, которую нужно внимательно изучить как самостоятельную тему. Иногда (очень часто) оказывается, что исключение вообще не относится к данному правилу, а просто «притянута за уши» по какой-то причине. Нужно разбираться с каждым конкретным случаем и искать корни.

— Это ужасно! — закричал Мочалкин. — Это разрушает уже сложившуюся систему правил и ведёт, в целом, к разрушению общей теории.

— Я согласен в той части, что общепринятые правила перестанут тогда действовать, и может появиться неразбериха, — поддержал его Михайлюк.

— Но ведь вы сами видели, как лихо машина применила эти принципы и за несколько минут раскрыла нам тайны частей речи, — парировал Валерыч.

— Да, это было круто! — поддержал его завуч. — Хотя вряд ли вышестоящие органы позволят делать подобные вещи на уроках. У каждого преподавателя есть программы и учебники, в которых чётко изложены правила...

— ...и исключения! — перебил его Михайлюк.

— Да, и исключения! Мы же сами так учились, разве нет? Чего же изобретать велосипед? Нам было не просто, пускай и ученики помучаются,

— Слушай, Мочалкин, а ты в армии случайно не служил? — вдруг обратился к нему Валерыч. — Ты чего это тут «дедовщину» устраиваешь? Мы учились в другую эпоху, когда никто даже не слыхивал слова «Интернет» и «клонирование». Лично я вообще начал ходить в школу, когда ещё ручкой писали, обмакивая пёрышко в чернильницу. А потом промокашкой промакивали. Оно, возможно, полезно было бы и сейчас продолжать пёрышком писать, чтобы почерк был хороший и руку развивать. Но это во всех смыслах уже нереально!

Мы просто пережили уже «чернильно-перьевую эпоху» и движемся куда-то, даже сами не очень понимая куда. Сегодня нужно быстро и эффективно передать знания новому поколению. Никто не отказывается от полезного прошлого опыта, но меняющаяся жизнь заставляет искать новые формы. Никуда не денешься!

На некоторое время воцарилось молчание. Затем завуч произнёс:

— По мне так лучше всё время недоедать или вовсе умереть от голода, чем соглашаться с этими вредными и опасными предложениями.

— Слушай, Мочалкин, а ты и так завтра исчезнешь. Тебе еда зачем нужна? Давай-ка иди отсюда и гуляй сам по себе. А мы с Валерычем по рынку ещё побродим. С машинами пообщаемся, перекусим, что-нибудь новенькое узнаем.

Завуч отвернулся, помолчал немного и... вдруг его «прорвало»:

— Вы думаете, что Мочалкин плохой, да!? Что против всего нового и прогрессивного? А вы вообще знаете, что я в студентах был самым смелым на курсе и постоянно новые приёмы преподавания придумывал? Мне это всё очень интересно было... А сейчас — только одна рутинная осталась. Бумажной крысой стал. Какие-то отчёты, документы, проверки, сверки, планёрки. Сам не понимаю, как всё это произошло.

Вот мы тут сейчас слушали этот ящик («ящик» заморгал всеми лампочками и недовольно фыркнул), который много интересного расска-

зал. Но я не особенно вслушивался даже, а только думал о том, что это невозможно использовать в школе: существующая программа (учебный план) явно не состыковывается с этим материалом. А если это невозможно, то значит бесполезно и вредно. Получается, что я боюсь всего нового. И не только боюсь, но сам, своими же руками закрываю дорогу другим учителям, сею сомнения и уныние...

— Слушай, Мочалкин, ты не убивайся так! Если ты нашёл смелость так трезво взглянуть на себя, то значит — ты ещё не совсем пропащий, — одобрил его физрук. — Большинство завучей и других, подобных тебе, уверены в реальной значимости своего труда и даже не понимают, какой вред наносят обществу! Они всегда и всё соотносят с Программой, позабыв о том, что программа — это всего лишь ОДНА ИЗ ТОЧЕК ЗРЕНИЯ на предмет. Но существуют и другие!

— Я согласен, — кивнул головой Мочалкин, — но в чём же тогда роль завуча? Как же можно организовать учебный процесс, если нет единых программ и общих стандартов?

— У тебя как администратора и у преподавателей должна быть одна общая цель: наилучшим образом организовать процесс передачи знания, подготовить новое поколение к полноценной творческой жизни. Если школа превращается в место, куда ученики ходят «из-под палки», то такой школе нет более места! Освободи препода-

вателей от груза ответственности за выполнение Программы. Объясни им, что главное в работе — творчество. Делай их смелыми. А если видишь, что учитель не справляется, — помоги, создай ему условия для развития. Вот это и есть основные функции современного завуча.

— Ну, это всё общие слова.

— Хорошо, давай перейдём в конкретике. У тебя сколько в школе учителей?

— Более пятидесяти.

— Скажи мне, все они довольны условиями своего труда? Я имею в виду не только размер заработной платы. Не приходится ли им постоянно писать бессмысленные планы и отчёты? Не ты ли требуешь от них тонны бумаг с умными словами, которые потом угодливо передаёшь в контролирующие органы, считая это настоящей работой?

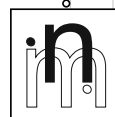
— А вместо приятного вечера приходится на педсовете сидеть и слушать с умным видом обсуждение очередного приказа, — вдруг оживился Михайлюк.

— Да ладно, Вы бы уже помолчали, коллега! — пошёл в атаку Мочалкин. — Вам только свободу дай — вообще перестанете к урокам готовиться!

— Это почему же Вы так думаете?

— Да потому, что только при наличии постоянного контроля за преподавателем можно получить хоть какой-то результат.

— А когда же он будет заниматься? Книги читать, новые теории

изучать, творчеством заниматься? — вставил слово Валерыч.

— Да лишнее всё это, — не сдавался завуч, — всё прописано в постановлениях и приказах. Делай по инструкции — и мы получим идеальную школу!

— Возможно. Только пока что не получается она, эта идеальная школа. Хотя ты, Мочалкин, вроде бы и стараешься. Не работают твои приказы и постановления, не работают!

В итоге и эта попытка хоть что-то поесть оказалась неудачной: завуч «упёрся» и не согласился нажать на заветную кнопку. Обессиленный Михайлюк и голодный (и потому злой) физрук обречённо пошли к следующему железному ящику, который уже приготовился высказать очередную смелую идею:

— Каждый учитель должен понимать, что эмоциональное восприятие его урока значительно более важно, чем та информация, которую он пытается передать своим ученикам.

Даже уже подготовленный к новшествам Михайлюк несколько опешил от такого заявления:

— То есть получается, что не так уж и важно, что именно я рассказываю? Какие слова говорю? А как же тогда школьники смогут усвоить материал?

— В бесчисленной череде серых однообразных уроков дети не видят никакого смысла, — продолжал «безжалостный» ящик. — Им хочется эмоций, праздника, ярких

событий! Поэтому эпатаж и необычные формы урока — основа захвата внимания детей. Лучше прийти на урок в костюме водолаза и играть в морских обитателей, чем просто пересказывать положения учебника.

Мочалкин схватился за голову и тихо завыл. Видно было, что он испытывал сильнейший дискомфорт и страх. Ведь только один день остался, чтобы исправить ситуацию! Он никак не мог согласиться с «ящиками», но понимал, что в противном случае ему уже просто никогда не вернуться в мир живых.

— А как же тогда программа? — всё время бормотал он себе под нос, не ожидая уже никакого ответа. — Как же тогда контролировать ход урока? Ведь учителя начнут позволять себе всё что угодно!

— Да ладно, завуч, — расслабься! Если не можешь согласиться — так и не соглашайся! — вдруг поддержал его Валерыч. — У тебя ведь есть ещё целый день. Пойдешь на урок, перескажешь ребятам пару положений из учебника физики, проведешь контрольную. Глядишь, — они за тебя и проголосуют. Так что тебе переживать не о чем.

До Мочалкина дошёл сарказм физрука, и он вышел из зала...

— Ну что, Сашок, мы продолжим или тоже пойдём? Ведь поесть нам в любом случае уже не удастся: Мочалкин нас покинул, а без него мы не можем нажать на кнопку.

— Давай ещё прогуляемся! Очень хочется что-то новое узнать.

И, возможно, даже на завтрашнем уроке применить.

Валерыч одобрительно хмыкнул, достал из портфеля огромный бутерброд с сыром и протянул его Михайлюку. Тот взял его вначале, а потом вдруг резко поднялся и куда-то побежал. Через пару минут он вернулся вместе с Мочалкиным, на лице которого были заметны ещё следы слёз. Жующие, повеселевшие, оба преподавателя оживлённо говорили о чём-то. Видно было, что их объединяла какая-то идея.

Физрук удивлённо вскинул брови и тихонько спросил: «Ты что ему сказал?»

— Да ничего особенного. Просто предложил ЖИТЬ! Забыть обо всём, что было до этого момента, и сделать всё возможное, чтобы вернуться!

Тем временем одна из машин начала свой монолог:

— В основе образования лежит работа с образом. Но главное — не навязывать придуманный образ ученикам, а рассказать, как его создать. Добиться этого можно только одним путём: сотворение такой обстановки на уроке, когда каждый может создать свой образ. Сделать собственное открытие. Прийти к пониманию своим путём.

Осуществить всё это поможет принцип «детализации». Чем больше деталей, тем больше возможностей для творчества и выдумки. Часто ученики начинают «сочинять», придумывать нечто, что никак не вписывается в традиционные

рамки. Никогда не останавливайте своих учеников в этих случаях! Пусть выскажутся, даже если их слова кажутся чудовищной неправдой или даже ахинеей.

Поверьте, что большинство самых стройных, самых признанных теорий и учений во всех областях человеческих знаний содержат в себе огромное количество придуманного. Более того: практически все эти теории так и не подкреплены никакими доказательствами и, таким образом, просто существуют за счёт красиво изложенных предположений! Не более того!

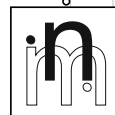
— А можно подробнее и на примере? — нетерпеливо спросил завуч.

— Хоррошо. Все, наверное, помнят из школьного курса кое-что о теории Дарвина.

— Ну да, конечно — вставил своё слово неугомонный Мочалкин, — человек произошёл от обезьяны и всё такое...

— Так вот (ящик повысил голос): все выводы Дарвина являются гипотезой. Ни он сам, ни его последователи не смогли доказать ни один из постулатов, на которых держится его теория естественного отбора.

И кстати, — в этом месте говорящая машина усиленно заморгала лампочками, — Дарвин НИКОГДА НЕ ГОВОРИЛ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ЧЕЛОВЕКА ОТ ОБЕЗЬЯНЫ! Это затем уже его ученики начали придумывать и додумывать, прикрываясь именем великого учителя. Который

сам всегда сомневался в правоте своей фантазии.

Валерыч слушал всё это с изумлённым лицом. «А как же школьные учебники биологии? Они всё врут, что ли?» — горячо воскликнул он.

— Ну не то чтобы врут, но передёргивают факты. Сам Чарльз Дарвин был невероятно честным человеком, глубоко верующим в силу Творца. Послушайте только, что он сам говорил о своей теории эволюции: «Я не могу претендовать на то, чтобы пролить хотя бы малейший свет на столь трудные для понимания проблемы (имеется в виду тайна происхождения всего живого на земле. — Прим. автора)».

Дарвин хорошо понимал, что для доказательства его теории должны существовать находки промежуточных существ, ведь только подобным образом можно было бы подтвердить появление новых видов из уже существующих. Но ни при его жизни, ни до сих пор не найдено НИ ОДНОГО неоспоримого промежуточного звена. Так что выводы делайте сами, мои высокообразованные коллеги.

Алекс хотел было что-то сказать, но потом передумал и тихо спросил:

— Так значит, можно сочинять направо — налево и потом доказывать «научность» своих фантазий?

— Если это делает ребёнок, который не претендует на научные почести и лавры первооткрывателя, то не просто можно, а необходимо! Именно такое образование и является истинным. Мы ничего не знаем

о Мире, но дети, в отличие от взрослых, и не претендуют на роль первооткрывателей или гуру. Они просто сочиняют, фантазируют. Преподавателю нужно лишь поддерживать этот огонь открытий и жадно вслушиваться в каждое слово, произнесённое учеником. Ведь очень часто, в полемике, дети высказывают удивительные, поразительные вещи! Но мы либо не замечаем их, либо просто отмахиваемся, как от назойливых мух в летний полдень.

Физрук картинно развёл руками и произнёс слова, которые у всех крутились на языке:

— Получается, что любая теория — это только лишь предположение, фантазия. А дальше всё уже зависит от того, как каждый из нас её воспринимает и использует.

— Совершенно верно. Именно поэтому каждый волен выдвигать свои собственные теории, учения и так далее. А дальше — время покажет, насколько долго они будут жить.

После некоторого совещания троица решила нажать на заветную кнопку. В ответ железный ящик удовлетворённо заурчал и «выкинул» из себя три порции свежайшего яблочного сока. «Только что выдавил», — машина явно смущалась, о чём свидетельствовал неестественно красный цвет всех её лампочек.

Напиток действительно освежил, и преподаватели решили остаться «на базаре» ещё, чтобы послушать умные речи машин-педагогов, а за-

одно и подкрепиться. Однако Валерыч сказал, что не может составить компанию, поскольку скоро уже прибывает большая группа «новобранцев», и ему необходимо встретить их и рассказать, что здесь к чему.

— Рад был тебя встретить снова, Сашок! — произнёс он, пожимая руку Михайлюка на прощание.

— Но мы ведь ещё увидимся?

— Конечно! — физрук быстро повернулся и вышел из зала.

Завуч долго смотрел ему вслед, а затем, обратившись к математику, неожиданно предложил:

— А давай после возвращения будем работать, как и прежде, в одной школе!

— Да я-то и не против, только вот вернуться бы.

— Ну, я теперь уже уверен на сто процентов, что смогу это сделать! — горячо произнёс Мочалкин. — У меня как будто глаза открылись, понимаешь? Хочу ученикам прививать творчество, да и самому развиваться нужно. Сегодня попробую на уроке «выложиться»!

— Удачи тебе, Моч..., — Алекс вдруг прервался и продолжил, — удачи тебе сегодня, Виктор Андреевич!

— И тебе тоже, — смущённо и одновременно очень искренне произнёс завуч. Ему, конечно, было очень приятно, что Михайлюк вспом-

нил его имя и, наверное, в первый раз за эти дни заговорил с ним «почеловечески».

... — Так, голубчики, хватит здесь слюни пускать! Пора за дело приниматься! — прямо возле них выросла фигура физрука. — Уверен, то вы усвоили много уроков, находясь в Преобразователе, и никогда их не забудете! А сейчас — быстро к ученикам!

Прозвенел звонок, после которого Валерыч начал таять в воздухе, оставляя после себя, как обычно, приятный запах одеколona.

... Не будем утруждать себя рассказами о том, как сложились последние уроки в Преобразователе у наших героев. Попробуйте сами смоделировать их содержание и ход. Важно другое: когда Александр Степанович внезапно обнаружил себя в реальной школе, как обычно шумной и наполненной энергией жизни, он заметил вдруг подозрительно знакомую фигуру.

— Кто это? — нетерпеливо спросил он у Марии Ивановны.

— Да это же наш новый физик — Андрейкин Михаил Викторович.

Алекс смело шагнул навстречу новому преподавателю, предвкушая непонятную радость, а когда тот вдруг с предостережением приложил палец к губам и улыбнулся, его сомнения полностью развеялись!

